

Журнал «Профиль» опубликовал итоги исследования Legal Insight и ФРИИ

29.09.2016

НОВОСТИ КОМПАНИЙ

СТАТЬИ

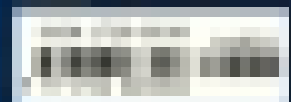
профиль

СЕРГЕЙ МИРЖАПАНОВ
ДЕЯТЕЛИ

ТРЕТИЙ ПОСЛЕ ПУТИНА

Выборы-2016
выиграл
Владимир Путин.
И получил
голдмай прыз.

1500

Журнал «Профиль», рассказывая о том, как английское право завоевало весь мир, и почему российские компании все чаще стали выбирать отечественное правосудие, ссылается на [исследование Legal Insight и ФРИИ](#), проведенное год назад, и опрос Legal Insight и The Lawyer 2012 года.

Российский бизнес все чаще предпочитает совершать сделки по отечественному праву и судиться на родине. Согласно [исследованию Legal Insight и Фонда развития интернет-инициатив](#), более 65% российских юристов готовы использовать отечественную юрисдикцию при заключении инвестиционных сделок. Эксперты единогласно подтвердили эту тенденцию. В качестве причин называются падение курса рубля и «схлопывание» спроса; нежелательность для многих госкомпаний в нынешней международной ситуации использовать иностранное право; объявленная Путиным деофшоризация российской экономики; и, наконец, изменения в Гражданском кодексе с более четкими правилами, касающимися гарантий, заверений об обстоятельствах и т.д.

Правовая и судебная системы России могут праздновать победу – российский бизнес все чаще предпочитает совершать сделки по отечественному праву и судиться в родных судах, а не в Великобритании. Хотя доля совершаемых сделок с так называемой оговоркой по английскому праву еще высока, наметилась явная тенденция возвращения к российскому правосудию, отмечают опрошенные «Профилем» эксперты. А ведь еще несколько лет назад проблема массового ухода бизнеса в иностранную юрисдикцию в российском правовом сообществе считалась одной из ключевых. Реформа законодательства, судебной системы, деофшоризация, экономический кризис, политическая изоляция – все это и привело к победе отечественной Фемиды.

И все же пока это выглядит как одно выигранное сражение, до окончания войны далеко. А стратегически в ней, возможно, побеждает как раз Великобритания – и не Россию, а весь мир, поскольку бизнесу пользоваться английским правом просто удобнее, чем любым другим.

Джентльменские предпочтения

Выглядящая как сугубо юридическая, проблема с уходом в иностранную юрисдикцию имеет довольно понятное объяснение. Собственно, юрисдикция – право той страны, которое две стороны соглашаются применять для своих сделок, в судах которой будут разрешать споры в случае их возникновения. Именно поэтому мы становились свидетелями громких «разборок» российских олигархов в Великобритании. Так, в Высоком суде Лондона в 2012 году делили акции «Русала» Олег Дерипаска и Михаил Черный. Претендовавший на компенсацию за доли «Русала» и «Сибнефти» покойный Борис Березовский тогда же и там же проиграл Роману Абрамовичу. Среди известных «кейсов» значатся также «VTB v. Nutritek», «YUKOS v. Rosneft», «Slutsker v. Haron Investments». То были времена, когда олигархи делили свои миллионы, а СМИ смаковали, как британские юристы пополняют лексикон новыми терминами – *kidalovo*, *krysha*, *dolya*, *obschak*, *vor-v zakone*.

Но британское правосудие предпочитали не только российские бизнес-селебрити. В итоге в 2012 году проблема «бегства» российского бизнеса в иностранную юрисдикцию была названа одной из ключевых. Ее обсуждали в Госдуме и на круглых столах профессионального юридического сообщества. По данным исследования, проведенного в тот период адвокатским бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» (ЕПАМ), 57% опрошенных респондентов либо вообще не подчиняли свои сделки российскому праву, либо отводили под него не более 10% из них. Лишь 33% опрошенных бизнесменов, работающих в России, оформляли по российским законам до половины сделок, а большую часть своих контрактов соглашались подчинять им не более 10% компаний.

Правовые издания Legal Insight и The Lawyer проводили [опрос](#) в том же году среди представителей юридических департаментов ведущих российских компаний. «Данное исследование еще раз подтвердило существование давно обсуждаемой в России проблемы – неудобства отечественного права для нужд бизнеса», – отмечали авторы исследования. Следствием этого стало «повсеместное использование в отдельных секторах отечественной

экономики (в первую очередь в инвестиционном бизнесе, банкинге, девелопменте) английского права». Согласно результатам опроса, 77% респондентов работали в компаниях, деятельность которых большей частью осуществлялась в России. Из них 37% участвовали в судебных спорах в иностранных государствах, преимущественно в Великобритании (12%) и на Кипре (8%). Кроме того, 56,5% опрошенных назвали российское право «некомфортабельным» для ведения бизнеса.

Комфорт по-английски

Компания зарегистрирована, работает и заключает сделки в России и часто с российскими же партнерами, но с оговоркой по английскому праву. Это означает, что юристы пишут договор в соответствии с британским контрактным правом и доверяют разрешение возникающих споров английским судам. Почему бизнес так поступает? Потому что так ему удобнее, и комфорт здесь ключевое слово.

Россияне поднаторели в этом давно, отмечает партнер юридической фирмы «ЮСТ» Евгений Жилин, и уже мало чем уступают среднестатистическим английским юристам. «Российские юристы уже давно научились оформлять сделки в английском праве, и далеко не всегда участие английских юристов значительно в этих сделках, – говорит он. – Часто бывает так, что российские юристы с обеих сторон берут сделку в английском праве, переговариваются, составляют проекты документов, а потом просто отдают их на проверку англичанину, который за 5–15 тыс. фунтов стерлингов говорит, что все о’кей, или что-то поправляет, если, например, появился новый прецедент».

Преимущество британской системы простое, говорит Жилин: «В английском праве работает то, о чем договорились. Если ты это не выполняешь, тебя заставят». «В России стороны пока не всегда понимают, насколько написанное, договоренное будет исполнено через судебную систему, – приводит он сравнение с отечественной системой. – Этот момент неуверенности в последствиях является ключевой сдерживающей силой». Английское договорное право отличается гибкостью, в основе которой лежит принцип свободы договора, добавляет

руководитель группы корпоративных проектов VEGAS LEX Александр Гармаев. «Английское право позволяет сторонам урегулировать отношения на их усмотрение и не устанавливает необоснованных запретов, – объясняет он. – Также считается, что правоприменительная практика в отношении положений английского права является относительно предсказуемой – можно заранее прогнозировать, каким образом суд будет трактовать спорные положения».

Впрочем, высоким уровнем доверия российского бизнеса пользуются и другие европейские судебные учреждения, говорит Гармаев, например, суды Стокгольма и Парижа. «По-прежнему популярны различные офшорные юрисдикции, среди которых наибольшая все еще у Кипра, – продолжает партнер Goltsblat BLP Матвей Капlouхий, специализирующийся на корпоративной практике, слияниях и поглощениях. – Среди не-офшорных юрисдикций часто выбирают Голландию. Ключевыми аспектами при выборе юрисдикции являются налоги, в том числе наличие удобного соглашения об избежании двойного налогообложения, а также стоимость администрирования компании». Для торговых сделок, отмечает Жилин, часто используют еще швейцарское право, оно считается довольно нейтральным. А партнер адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры» Дмитрий Степанов поясняет, что Швейцарию (как Англию и Австрию) выбирают для разбирательств по наследованию бизнеса, а в трастовых спорах (доверительном управлении собственностью) тоже преобладают Швейцария и Англия. И все же английское право лидирует в большинстве коммерческих сделок. «Хотя местом может быть не обязательно Лондон, а Кипр, Джерси, Мэн, Британские Виргинские острова и другие», – поясняет Степанов.

Как все поменялось

Прошло всего четыре года, и картина изменилась. Согласно [исследованию](#), проведенному в конце прошлого года Legal Insight и Фондом развития интернет-инициатив (ФРИИ), более 65% российских юристов готовы использовать отечественную юрисдикцию при заключении инвестиционных сделок. Всего было опрошено более 500 юристов из крупных компаний

и юридических фирм. Из них 23% считают приемлемым использовать российское право при сумме сделки до 120 млн руб., 13% – до 60 млн руб. А 80% компаний, готовых использовать отечественную юрисдикцию для сделок от 2 млрд руб. и выше, согласно опросу, уже имеют опыт работы с российским правом. Примерно такую же оценку дает Жилин из «ЮСТа». Если раньше, по его словам, количество сделок в английской юрисдикции и в российской было в соотношении 90% и 10%, то теперь это «примерно 80% на 20% или 75% на 25%».

Эксперты единогласно подтвердили наличие тенденции к возвращению бизнеса в отечественную юрисдикцию. «Количество сделок, заключаемых внутри российской юрисдикции, растет. Клиенты все чаще обращаются именно с такими установками: мы будем совершать сделку по российскому праву, – говорит Жилин. – Думаю, в дальнейшем количество российских сделок постепенно будет увеличиваться. В том числе иностранные партнеры, если основной вектор (направления деятельности) российский, если компания находится в России, зачастую уже признают, что соглашение акционеров должно быть подчинено российскому праву. В этом году мы уже сопроводили несколько таких крупных сделок ведущих российских компаний. Но, как правило, речь идет о создании совместных предприятий, а не о купле-продаже бизнеса в классическом виде».

Исследователи Legal Insight и ФРИИ [говорят](#), что «сегодня все больше компаний «смотрят» в сторону российского права в условиях падения курса рубля и «схлопывания» спроса». Этот фактор отметил и Гармаев: «Резкое изменение валютных курсов привело к тому, что услуги иностранных юристов на сопровождение сделок и судебных разбирательств стали существенно дороже». Однако Жилин считает влияние падения рубля непринципиальным. «Если речь идет о крупных сделках, исчисляемых хотя бы десятками миллионов долларов, то расходы на юристов на этом фоне малозначительны, – говорит он. – Это может быть определяющим моментом только для микросделок – до \$10 млн, где речь идет о стартапах или небольших компаниях. Там действительно заплатить юристам 100–200 тыс. фунтов стерлингов может быть накладно. Конечно, стоимость услуг российских юристов несколько, а порой и заметно ниже». При этом он напоминает, что и российские юристы с английским

правом уже давно на «ты».

Вторая причина – политического характера. «Для многих компаний государственного сектора использование иностранного права стало нежелательным с учетом текущей международной ситуации», – констатировал Гармаев. «Степень вмешательства государства серьезно возрастает, появляется все больше компаний с госучастием, в том числе и в высокотехнологичных отраслях экономики, – соглашается Жилин. – Поэтому в ряде случаев выбор российского права продиктован, что называется, установочными стремлениями – показательно применить российское право, повесить себе орден на грудь».

Третья причина – законодательного характера: деофшоризация российской экономики, затеянная президентом Путиным. «Все больше сделок заключаются по российскому праву, и во многом это обусловлено политикой, которая делает использование офшорных компаний крайне обременительным», – говорит Капlouхий из Golsblatt BLP. А Гармаев поясняет, что в результате произошедших налоговых изменений в ходе деофшоризации «совершение сделок с применением иностранных структур стало нецелесообразным с точки зрения налоговых вопросов».

Но определяющими для возвращения компаний в российскую юрисдикцию стали изменения, внесенные в Гражданский кодекс. В последние годы он пополнился новыми нормами, регулирующими важные для бизнеса правоотношения. «Сейчас в российском праве запросто заключаются сделки по joint ventures (совместные предприятия), продажа бизнеса и отдельных активов, соглашения акционеров, опционы на покупку или продажу акций, долей, безотзывные доверенности на голосование», – перечисляет Степанов из ЕПАМ. Российское право подтянулось – появились некие инструменты, которых раньше не было, подтверждает Жилин: «Это более подробные и понятные правила, касающиеся соглашения акционеров, условных сделок, так называемых escrow (депозитов, обеспечивающих исполнение по сделкам). Появились более четкие правила, касающиеся гарантий, заверений об обстоятельствах и так далее», – также приводит пример он.

Мода на британское

Но самые крупные сделки, говорит Жилин, все равно заключаются не в российском праве, и споры по этим сделкам разрешаются не в российских арбитражах. «Наверное, пока рано говорить о том, что российское право встало на одну доску с тем же английским с точки зрения удобства и гибкости регулирования договорных отношений», – считает юрист.

И на то также есть причины. Первая заключается в сомнительном качестве российского правосудия, о котором говорят все эксперты. Два года назад российская Фемида серьезно реформировалась. Ликвидировали Высший арбитражный суд (ВАС), а его функции взяла на себя экономическая коллегия Верховного суда. «Сейчас подводят первые итоги: насколько эффективно и успешно работает экономколлегия, – говорит Жилин. – Общий посыл сводится к тому, что зря это было сделано. Скорее, судебная система от этого потеряла, чем приобрела». «Ликвидацию ВАС, скорее, можно назвать шагом в другом направлении, – соглашается Каплухий. – А реформа законодательства о третейских судах является спорной, так как призвана навести порядок с третейскими судами, но при этом фактически замкнула корпоративные споры на российских арбитражных судах и Международном коммерческом арбитражном суде при Торговой палате РФ». Гамаев, в свою очередь, замечает, что у бизнеса имеются «определенные сомнения в отношении прозрачности российской судебной системы». Без института правоприменения, только «на бумаге», даже самые прогрессивные нормы работать не станут, резюмирует Степанов. «Нужно создать авторитетный арбитраж – негосударственный третейский суд по рассмотрению коммерческих споров, где бы применялось и, что еще более важно, развивалось российское коммерческое право», – уверен он.

Законодательно тоже многое еще было бы необходимо усовершенствовать, считают юристы. «Нужно создать механизмы передачи бизнеса наследникам, но без дробления бизнеса, как это происходит в обычном наследовании, а с сохранением «бизнеса на ходу», – считает Степанов. – Потому что капитаны российского бизнеса стареют и задумываются,

кому и как передавать свои активы. Нужно вводить в наше право некий аналог траста (в континентальном праве, а не только в английском, он есть и прекрасно работает), иначе многие сложные корпоративные структуры и далее будут структурировать холдинговые компании за пределами РФ».

Но собственно различия между двумя системами права – прецедентной англосаксонской (Англия и США) и континентальной (Европа, Россия) – и есть основная причина ухода бизнеса в британскую юрисдикцию. У нас, россиян, европейцев, в отличие от англичан, просто другая базовая модель правосознания, говорит Жилин. «Мы не привыкли писать двухсотстраничные договоры, потому что у нас есть Гражданский кодекс, который сам достаточно подробный и большой, четко регулирующий многие отношения, – объясняет он. – Поэтому договоры часто пишутся на двух-трех страницах, остальное смотрите в ГК. В Англии не так. Там все то, о чем ты договорился, должно быть в договоре, никакого ГК у них нет, и никто тебе не поможет. Поэтому договоры такие большие, длинные, подробные. Непосвященному читателю они могут даже показаться смешными в своей казуистике и подробности, но тем не менее именно так они и работают».

И кодификация законодательства – стремление свести разрозненные нормы в кодексы, – свойственная странам континентальной системы права, стала проблемой не только российского бизнеса – Британию предпочитают все. «Вы не найдете ни одной нормальной кредитной сделки, по которым иностранные банки давали бы деньги и которые не были бы заключены по английскому праву, – говорит Жилин. – Такого просто не бывает. Понятно, что здесь одно цепляет другое. Многие банки корнями происходят из Англии и своих же юристов исторически тянули вперед. Но даже немецкие банки сейчас очень часто совершают кредитные сделки по английскому праву. То есть это не типичная российская проблема, это проблема очень многих юрисдикций, и все, по сути, учатся у более передовых право порядков».

У российской правовой системы есть одно преимущество. Наша страна после развала СССР хотя и переняла во многом правовые традиции континентальной Европы,

но и у англосаксонской системы тоже училась. Потенциал для дальнейшего совершенствования есть, считает Жилин. «Более чем уверен, что российское право обладает достаточно высокой адаптивной способностью, потому что оно абсорбирует не только институты континентального права, но и англосаксонского, – говорит он. – Они не то чтобы хорошо уживаются, но это работает». Дело за малым – реализовать этот потенциал.

[Екатерина Буторина](#), журнал «[Профиль](#)»

НОВОСТИ КОМПАНИЙ

СТАТЬИ